

# Литературное наследие

## Из древнеиндийской антологической лирики

Перевод с санскрита ВЕРЫ ПОТАПОВОЙ

Древние веды, великие эпические поэмы, исполненные символики драмы — вот что характеризует прежде всего в представлении читателя литературу на санскрите. Но веды, классические эпопеи, драма — лишь сравнительно небольшая часть литературного наследия древней Индии. Оно представляется безбрежным океаном, в глубинах которого скрыты несметные сокровища и среди них — россыпи лирических стихотворений; многие из них вошли в состав знаменитых антологий на санскрите: «Субхашитаратнакоша» — «Сокровищница изящных речений», «Субхашитаратнавали» — «Ожерелье из драгоценных камней», «Суктикарнамрита» — «Изящные речения, сладостные для слуха», «Шарнгадхарападдхати» — «Собрание Шарнгадхары» и другие. В них сохранено более пятидесяти тысяч стихотворений.

Откроем любую из антологий — и мы оказываемся лицом к лицу со множеством поэтов. Среди авторов и прославленные классики индийской литературы Калидаса, Дандин, Бхартрихари, Бана, Харша, Бхавабхути, и знаменитые ученые: грамматист Панини, философ Дхармакирти и др. Однако имена авторов многих стихотворений были часто неведомы самим составителям антологий. Ничтожны сведения, добытые наукой до настоящего времени, даже о тех, чьи имена известны. Стихи, собранные в этих антологиях, радуют и богатством гуманистического содержания, и бурным поэтическим темпераментом, и сочной образностью, и изяществом формы, выплавленной в тигле беспокойной мысли.

Древнеиндийская антологическая лирика поражает контрастом с традиционными представлениями о поэзии на санскрите, будто бы непременно несущей более или менее сильную религиозную окраску. Правда, еще сто лет назад замечательный германский индолог А. Вебер обратил внимание на светский характер древнеиндийской драмы. Подобная трактовка распространилась со временем и на другие области литературы древней Индии. Сегодня индийские литературоведы считают необходимым подчеркивать особо, что лирическая поэзия древней Индии не только была по преимуществу светской, но и противостояла «высоким жанрам» придворной литературы, являясь, по их мнению, поэзией простого человека.

И действительно, она обращалась к таким официальными канонами не предсудившимся темам, как печальный удел супруги бедняка, трагедия отца, вернувшегося из дальних странствий без заработка, горе крестьянской семьи, лишившейся



вола-кормильца, жестокие столкновения богатства и труда, богатства и таланта. Тончайшее восприятие красоты природы, вера в силу и величие любви, блеск искрометного юмора отличают стихи этих антологий. Народность лирической поэзии сказывается и в том, что подчас за изощренностью формы, за искусно построенной метафорой скрыта злая сатира на несправедливого правителя, чиновника, жреца. Социальный протест нашел выражение во многих стихотворениях антологий. Но поэт, дерзнувший стать его выразителем, рисковал многим. В этом случае он находил укрытие для себя либо в вымысле, либо в анонимности. Прозаик IX в. Сомадева Сури, например, включив в свой роман «Яшастилака» целую антологию сатирических стихов, приписанных им вымышленным поэтам, рассказал в романе о преследованиях, которым подвергались поэты, посмевшие осмеять всевышнего министра.

В антологиях представлены практически все малые жанры лирической поэзии древней Индии. Они охватываются термином «субхашита», означающим «хорошо сказанное» или «изящное речение». За этим термином, в индийской традиции имеющим характер определения жанра, скрывается, однако, множество различных жанров, пока еще остающихся вовсе не изученными. Среди них мы обнаружим и элегию, и афоризм, и сюжетное стихотворение, и пейзажную лирику, и дидактическую строфу, и бытовую зарисовку.

В предлагаемой публикации читатель встретится и со строками классиков древнеиндийской литературы Калидасы, Вишакхадатты, Бхавабхутти, романиста и теоретика литературы Дандина, и с творениями Йогешвары, Дхармакирти, Равигупты, Виры, Видьи, от поэтического наследия которых уцелело совсем немного, и со стихами совсем неизвестных авторов.

По праву знакомство читателя начнется со строк Бхартрихари, едва ли не величайшего лирика древней Индии. С него берет начало мощная и разнообразная традиция поэзии социального протеста, широко представленная и на санскрите, и на национальных языках народов Индии. «Поэзия деревни и поля» предстает перед нами в стихах Йогешвары, Мадхушилы, Абхинанды, Видьи, Виры, во многих стихах анонимных поэтов, таких, как «Отец и сын схватили за рога...», «Детишки — мертвецы живые...», «Поди сюда, мой маленький...». Йогешвара, которому принадлежат двадцать четыре строфы, сохранившиеся в антологиях, предстает перед нами как поэт, удивительно чуткий к человеческому горю, проникновенно писавший о трагедии нищеты, умевший найти прекрасное в, казалось бы, незначительных деталях быта. По всей вероятности, он жил не позднее IX века в той части Индии, которая ныне входит в состав штата Западная Бенгалия. Видья, южноиндийская поэтесса, возможно происходившая из низкой касты, жила в VIII—IX веках. Дхармакирти известен не только как поэт, но и как один из крупнейших индийских философов. Время жизни его предположительно относится к VI—VII векам. Равигупта — буддийски настроенный поэт, мастер афористических стихотворений, творчество которого относится к VIII веку.

При чтении их стихов даже самый искушенный читатель будет озадачен — и не раз! — не только смелыми, подчас совершенно современными образами, но и тем, что его память будет ставить стихи индийских поэтов тысячелетней давности рядом с известными европейскими, в том числе и русскими образцами. Дело тут и в единстве человеческой природы, и в том, что сама Индия столь разнообразна, столь многолика жизнь ее народов, что в поэтическом обобщении выявляются как наиболее значительные проявления жизни те ее стороны, которые оказываются близкими и для нас. Если жителям Кашмира знаком и снег, и мороз, то жители Кералы знают о них лишь по сказаниям о богах, обитающих на вершинах Гималаев. Бамбук и пальмовые листья служили строительным материалом для жилищ на юге страны, жители горных окраин севера Индии знали как строительный материал и дерево, и камень, и солому.

Поэты, представленные в индийских антологиях, владели удивительно совершенным и гибким инструментом, имя которого — классический санскрит. Замечательное его свойство — способность компрессии мысли или образа в минимальном языковом объеме. То, что на санскрите выражено всего лишь в тридцати двух слогах, нередко, даже в самом лапидарном переводе, на русском языке вырастает в несколько строк текста. Достоинство санскрита, позволяющее достигать удивительного художественного эффекта, порождает в переводе исключительные трудности. Они осложняются еще и весьма разветвленной системой художественных средств, богатой звуковой формой стиха, включающей в себя и рифму. И тем не менее перевод санскритской лирики на русский язык вполне возможен, как это убедительно показано Верой Потаповой, уже не первый раз обращающейся к поэзии древней Индии.

Публикуемая подборка стихотворений впервые знакомит читателя с малыми жанрами лирической поэзии древней Индии во всем ее многообразии и специфике. И вместе с тем в этой поэзии самым непосредственным образом ощущается могучее гуманистическое начало, делающее столь близкими для нас произведения такой далекой эпохи. В настоящее время государственное издательство «Художественная литература» готовит к печати книгу древнеиндийской лирики «Жемчужное ожерелье» в переводах Веры Потаповой.

И. СЕРЕБРЯКОВ







■ ■ ■

Не насладились мы желанным наслажденьем —  
Желанье наслажденья нас пожрало.

Не истязали мы

подвижничеством плоть —

Подвижничество истязало нас.

Не мы беспечно проводили время,  
Но время нас, беспечных, провело!

Желанья наши не увяли,

Но из-за них увяли мы!

■ ■ ■

Тигрицу, что зовется старостью,

Не в силах мы пребороть.

И, недругам подобно, с яростью

Болезни ранят нашу плоть.

И жизнь уходит нечувствительно,

Как из горшка худого — влага.

А люди — вот что удивительно! —

Охотней зло творят, чем благо.



КАЛИДАСА

## «Времена года»

ФРАГМЕНТЫ

### Лето

■ ■ ■

Львы, и слоны, и рогатые звери, не помня вражды,

С телами в ожогах, несутся из дебрей горящих,

Толкаясь боками, и с плеском бросаются в реку,

Чьи обмелевшие воды бегут по широким пескам.

### Пора дождей

■ ■ ■

Райского древа листву

обрызгал червец кошенильный.

Свежий покров травяной

зедеи, чем толченый берилл,

Что «глазом кошачьим» зовут.

В убранстве из густо-зеленых

И темно-багряных камней,

как дева, сияет земля!



■ ■ ■

«Громада эта — нам опора  
в своем величье,  
Когда гнетет нас бремя влаги», —  
сказали тучи,  
Кропя дождями склоны Виндхьи,  
что знойным летом  
Опалена была огнями  
лесных пожаров.

## Осень

■ ■ ■

Как царь овеян опахалами  
из белых яковых хвостов,  
Порой осенней свод небес  
овеян облаков грядями,  
Что серебра белей и раковин,  
и стеблей лотоса прохладных,  
Освободившись от дождей,  
легко плывут, гонимы ветром.

■ ■ ■

О ночь, лицо твое — луна, без покрывала  
Докучных облаков! Блистает бездной звезд  
Твой царственный венец. В беспыльные одежды  
Твой дивный стан облек текучий лунный свет.

■ ■ ■

Густым благовоньем шепхалика дышит  
В саду, оглашаемом криками птиц,  
Там синие лотосы схожи с глазами  
Газели, застывшей на гребне скалы.

■ ■ ■

Растаял облачный покров.  
Искрящиеся сонмы звезд  
Выводит месяц златозарный,  
и небеса облиты блеском,  
Как изумрудные озера  
с жильцами — царскими гусями  
И безупречной белизной  
цветущих лотосов «кумуда».

## Весна

■ ■ ■

В цвет красноватый сафлора окрашены юбки красавиц,  
Что бедра округлые их облегают, как плод — кожура.  
Блекло-желтым окутали шелком, с шафранным отливом,  
Эти влюбленные девы упругие груди свои.









## ВИРА

■ ■ ■

Заплату на заплату класть —  
Непревзойденное искусство,  
И пригоршню еды делить —  
Непостижимое уменье,  
Мне суждены: ведь я жена!

## ВИДЬЯ

■ ■ ■

— О добрая жена соседа!  
За домом пригляди минутку.  
Воды колодезной, безвкусной  
Отец ребенка пить не станет.  
Спустишь, хоть я одна, к реке,  
Под сень тамалов, где темно  
И столь густые тростники, что стебли  
Колочие царапают мне грудь.

## МУРАРИ

■ ■ ■

В ночи небесную стреху  
Термиты тьмы проели,  
И видно звездную труху,  
Что сыплется сквозь щели

## ВИШАКХАДАТТА

■ ■ ■

Небеса, в покое нарастающем,  
Кажутся божественными водами,  
Что текут беззвучно в вышине,  
С отменями белых облаков,  
С криками летящих журавлей,  
С лотосами-звездами в ночи.





## АБХИНАНДА

■ ■ ■

Раздавленный повозками тростник  
Обрызгал соком сладким колею,  
Что пыль шафранную несет, как стяг.  
Слетелись попугай на ячмень,  
Колосья полновесные склонивший.  
От рисового поля к водоему  
Проплыли вдоль канавы пескари.  
Пастух прилег на отмели, где тело  
Приятно охлаждает ил речной.

## МАДХУШИЛА

■ ■ ■

Меж грудей, подобно низкам жемчуга,  
Матово мерцают стебли лотосов.  
Около ушей свисают лилии —  
Двум серьгам затейливым замена.  
А пробор проложен не рубинами —  
Бандхудживы рдяными цветами.  
Сколько драгоценностей  
Время урожая  
Подарило девочке,  
Стережущей рис!

## НАРАЯНАЛАЧЧИ

■ ■ ■

Вишну и Лакшми объятья  
разорвало горячее лето.  
Божественных клонит ко сну,  
оттого что валы океана  
Качают плавающий дворец,  
где влага струится со стен,  
Изнутри охлаждаая покои.  
Свирепые солнца лучи!  
По милости вашей, луна,  
Лишенная чудного блеска,  
сегодня печется, как блин.  
Докрасна вы раскалили  
небесную сковороду!

## ДАНДИН

■ ■ ■

Богатым не стал я,  
Ученым не стал я,  
Заслуги святой не обрел я,  
И время мое истекло.





## НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

■ ■ ■  
Книга, жена или ссуда  
Уйдет безвозвратно. Тем лучше!  
Худо, когда возвратится —  
Рваной, запятнанной  
Либо уменьшенной вдвое.

■ ■ ■  
Прекрасна ночь, когда сверкает месяц.  
Хвала тебе, колеблющий волну!  
О месяц! Разве не в твое сиянье  
Невидимой рукой закинут мир,  
Вместивший страны света целиком,  
С грядями гор и водами речными?

■ ■ ■  
Что в сердца своего табличку  
Я вписывал — судьба в привычку  
Взяла стирать своей рукой.  
Так было с каждой строкой!  
Но воск, от этой благостыни,  
Стал тонким. Он лежит, сквозя,  
И ни строки надежды ныне  
На нем запечатлеть нельзя.

■ ■ ■  
Порой не доверяет близким людям  
То сердце, что однажды ранил мир.  
Зачем, как малое дитя, мы будем,  
На молоке обжегшись, дуть на сыр?

■ ■ ■  
Я не ношу браслета золотого,  
Что блещет, как осенняя луна;  
Я не вкусил стыдливой неги уст  
Невесты юной; ни перо, ни меч  
Не заслужили мне бессмертной славы.  
Я время расточаю в школе ветхой,  
Уча лукавых, наглых мальчуганов.



■ ■ ■

Сперва он отливал густым багрянцем,  
Под стать китайской розе, а потом  
Медово-красным сделался, как щеки  
Гречанки юной, выпившей вина,  
Но просветлел, как зеркало золотое,  
И, словно белый тагары цветок,  
Теперь блестит на небе диск луны.

■ ■ ■

«Золотой водой польешь тыквенную плеть —  
Будут у тебя плоды непрестанно зреть».  
С радостью поверил я слову доброхота.  
Тыкву круглый год иметь каждому охота!  
Я просил — и наконец мне богач один  
Нацедил чуть-чуть воды золотой в кувшин.  
Я пришел домой, и глядь — нет ее в помине:  
Просочилась по пути сквозь трещину в кувшине!

■ ■ ■

Отец и сын схватили за рога,  
А мать — за хвост, родители отцовы  
Уперлись в ребра, а сноха — в подгрудок.  
Ребята, с плачем, за ноги взялись.  
Одно у них богатство — дряхлый вол,  
Что издыхает, лежа на земле.  
И всем семейством, проливая слезы,  
Они его стараются поднять.

■ ■ ■

Детишки — мертвецы живые,  
Укоры едкие родни,  
Кувшин, залепленный смолой,  
Терзают меньше, чем улыбка  
И взгляд язвительный соседки,  
Когда жена к ней каждый день  
Заходит попросить иглу,  
Чтоб залатать свои отрепья.

■ ■ ■

Бренное тело твое развалилось бы сразу, бедняк,  
Если б веревки мечтаний не стягивали твой костяк!

■ ■ ■

«Поди сюда, мой маленький, не плачь,  
На разодетых мальчуганов глядя.  
Когда отец вернется, он тебе  
Подарит ожерелье и обновы».  
Услышав это, горемычный странник,  
Стоящий за стеной, уходит прочь,  
И слезы льются по его лицу.



■ ■ ■

- Монах прощельга! Ты падок до рыбного блюда?  
— За винною чашей и рыбы отведасть не худо!  
— Ты пьешь? — Как не пить, непотребную встретив  
красотку?  
— Распутник! Небось, ростовщик тебя держит за глотку?  
— Коль скоро добром у него я не выпрошу ссуду —  
Тайник проломлю, а желанные деньги добуду!  
— Ты вор и заядлый, должно быть игрок, по приметам?  
— Нельзя мне иначе: я нищенства связан обетом!

■ ■ ■

Кто смел перечить Камадеве?  
Любимому вернуться к деве  
Велят немедля гневные уста.  
Ослушник — путник беспечальный,  
Что в клетке заключен хрустальной  
Из струй, сбегаящих с его зонта.

